

2009
№6

Журнал

РОССИЙСКОГО ПРАВА

- О соотношении международного и внутригосударственного права
- Коррупция и этнонациональный экстремизм
- Пенсионный фонд РФ: проблемы формирования доходной части бюджета
- Гармонизация законодательства как общеправовой феномен
- О принципах уголовного судопроизводства

Прецедентное решение Конституционного Суда Российской Федерации

В. В. Лазарев

15 января 2008 г. было принято Определение Конституционного Суда РФ № 193-О-П по жалобе гражданина С. на нарушение его конституционных прав ст. 90 УПК РФ. В данном Определении сформулировано положение, которое, несомненно, носит прецедентный характер и должно быть воспринято как законодателем, так и всеми судебными инстанциями, включая высшие. Между тем как среди практиков, так и среди серьезных ученых имеет место в том числе негативное восприятие существа решения Конституционного Суда. Я имею в виду, в частности, статью проф. П. А. Скобликова, опубликованную в «Журнале российского права»¹. Именно она явилась поводом к тому, чтобы с общетеоретических позиций и с позиций конституционного права осмыслить позитивное значение решения судей КС РФ о преюдициальности судебных решений. Суть позиции Конституционного Суда сводится к тому, что фактические обстоятельства, которые рассмотре-

ны и установлены в судебных актах арбитражного суда, осуществляющего гражданское судопроизводство в соответствии с компетенцией, определенной Конституцией РФ и АПК РФ, и его выводы относительно этих обстоятельств, если ими, по существу, предрешается вопрос о виновности или невиновности лица в ходе уголовного судопроизводства, «подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими принципами доказывания, закрепленными в ст. 49 Конституции РФ, при том что подтвержденные арбитражным судом обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, могут быть отвергнуты лишь после того, как вступивший в законную силу исполняемый судебный акт арбитражного суда будет аннулирован в предусмотренных для этого процедурах»².

С точки зрения П. А. Скобликова, «...для правоприменительной практики и криминологической ситуации в России... Определение КС РФ от 15 января 2008 г., по всей видимости, будет иметь долговременные негативные последствия. Определение «воздвигает неоправданные и во многом непреодолимые препятствия для уголовного процесса, умаляя (если не сказать — упраздняя) конституционные гарантии защиты потерпевших от преступлений» (с. 69, 80).

Высказанные опасения столь серьезны, что изначально возникает недо-

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник отдела теории законодательства ИЗиСП, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор.

¹ См.: Скобликов П. А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. 2009. № 2 (в дальнейшем при цитировании данной статьи страницы будут указываться в тексте).

² См.: СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2090.

умение: как мог такой авторитетнейший орган в пленарном заседании под непосредственным председательством В. Д. Зорькина вынести столь непродуманное решение. По собственному опыту участия в работе Конституционного Суда мне казалось, и статья П. А. Скобликова (заранее скажу) не поколебала того убеждения, что конституционное правосудие осуществляется на самом высоком профессиональном уровне.

Следует согласиться с автором статьи как в том, что независимо от чьих-либо мнений «позиция КС РФ для правоприменителей носит безусловный характер, разъяснения подлежат неукоснительному исполнению», так и в том, что «исследователь, представитель науки может и должен смотреть на любые судебные акты критическим взглядом» (с. 74—75). Ученому действительно свойственно анализировать решение Конституционного Суда, даже все его аспекты следует прорабатывать со студентами. И критическое отношение при этом не исключается. Однако характеристика судебного решения одновременно как противоречивого, небрежного, пробельного, неправильного и вредного (все эпитеты употреблены в статье) все-таки более чем чрезмерна. В таком документе, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, право на свободу выражения своего мнения предполагает ответственность и ограничения, в частности в интересах «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (ст. 10). Юристам, как, впрочем, и тем журналистам, которые готовы все правосудие обозвать «басманным», мягко скажу, надо бы быть осторожней. Однако все по порядку.

Компания, которую возглавлял С., на открытом аукционе в одной из республик приобрела по гражданско-правовой сделке аэронавигационное оборудование. Следствие и суд сочли это оборудование имуществом ограниченного оборота и в связи с

этим не подлежащим приватизации, могущим находиться исключительно в федеральной собственности. Продажу имущества на торгах разрешило правительство региона, поскольку, по заключению следствия и суда, С. вместе с сообщниками ввел в заблуждение руководителя правительства относительно характера имущества. С. был обвинен и признан виновным в хищении в особо крупном размере государственного имущества. Но следствие велось, и приговор выносился в то время, когда уже вступили в законную силу и были приобщены к делу решения арбитражных судов, которые признали сделку по приобретению оборудования (ее оспаривали государственные органы республики) законной, которые установили, что спорное имущество никогда не принадлежало ни республике, ни Российской Федерации и не содержало объектов военного сектора, поэтому могло быть предметом гражданского оборота без всяких ограничений. Данные решения арбитражных судов были проигнорированы. УПК РФ, по мнению следствия и суда, дает право не признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, если они вызывают у суда или следователя сомнение. Кассационная жалоба С. на приговор, обосновываемая ссылками на то, что решениями арбитражных судов совершенные с его участием сделки с аэронавигационным оборудованием были признаны соответствующими закону, была отклонена.

С. обратился в Конституционный Суд РФ. Суд вынес решение, суть которого воспроизведена в начале нашей статьи.

Какие же аргументы приводит П. А. Скобликов против решения Конституционного Суда? Фактически он повторяет позицию следствия и суда по уголовному делу С.: «С началом действия УПК Российской Федерации... по смыслу ст. 90 УПК РФ *судебные акты, вынесенные ар-*

битражными судами и судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения в уголовном судопроизводстве не имеют» (с. 71). Не по смыслу, заметим, а по буквальное формулировке статьи. Не случайно, например, в одном из авторитетнейших Комментариев УПК РФ данная статья откомментирована как содержащая преюдицию решения суда по гражданскому делу³. Исходя из буквального толкования, в ней действительно «говорится лишь о преюдициальном значении приговоров. Ни в этой, ни в других статьях общей части УПК РФ обязательность для органов предварительного следствия или суда судебных актов, вынесенных по гражданским или иным (не уголовным) делам, не предусматривается» (с. 71). Можно было бы предположить, что это упущение законодателя, пробел в законе. Однако П. А. Скобликов резонно обращает внимание на то, что не только в действовавшем ранее УПК, но и в проекте нового было соответствующее положение (см. с. 71). Следовательно, налицо «квалифицированное молчание» законодателя⁴. Но что за ним скрывается? Оно может означать отрицательное отношение к преюдициальному значению решения по гражданскому делу в уголовном процессе. Оно может означать, что решение вопроса следует искать в других законах⁵.

³ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общей ред. В. М. Лебедева. М., 2007. С. 321.

⁴ О необходимости разграничения пробела в праве, «квалифицированного молчания» законодателя и ошибки в праве см., например: Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма, 2007. Т. 2. С. 735—738.

⁵ Именно так решается вопрос в одном из комментариев ст. 90 УПК РФ: «Действующий УПК не содержит положения, аналогичного ст. 28 УПК РСФСР, в которой шла

Оно может означать, что решение вопроса должно состояться не в рамках какой бы то ни было преюдиции, а в ином механизме правового регулирования.

Фактически два последних варианта и обосновываются решением Конституционного Суда. С позиций конституционных судей, ст. 90 решает вопрос о преюдициальном значении только одного судебного акта — приговора по уголовному делу и не касается возможности признания в уголовном процессе имеющих юридическое значение фактов, установленных судом в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства.

Как признание, так и отрицание преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных окончательным судебным решением в этих видах судопроизводства, «не может основываться на статье 90 УПК Российской Федера-

речь о преюдициальном значении вступивших в законную силу постановлений по гражданским делам для органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Между тем о существовании «межотраслевой преюдиции» свидетельствуют нормы действующих ГПК (ст. 61) и АПК (ст. 69). Кроме этого, ст. 6 Закона о судебной системе и ст. 13 ГПК устанавливают, что вступившие в законную силу судебные решения обязательны для всех без исключения органов государственной власти (каковыми являются органы уголовного преследования и суд), органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории России». И далее: «При производстве по уголовному делу необходимо учитывать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по гражданскому делу. В противном случае неизбежно появление двух противоречивых актов правосудия, вступивших в законную силу, — приговора и решения» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2006).

ции и обусловливается взаимосвязанными положениями процессуального законодательства, регулируемыми исполнением и пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, а также правовыми нормами более высокого уровня, определяющими место и роль суда в правовой системе Российской Федерации, юридическую силу и значение его решений (ст. 10 и 118 Конституции Российской Федерации, ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»)»⁶.

И дело совсем не в том, к какому виду относится преюдиция — межотраслевая она или внутриотраслевая, на чем делает акцент П. А. Скобликов, Конституционный Суд определил общее отношение к вынесенному и вступившему в юридическую силу судебному решению, в каком бы процессе оно не состоялось. Нет также большой необходимости различать преюдицию непроверяемую (строгую) и проверяемую (нестрогую), поскольку даже «внутриотраслевая», закрепленная в ст. 90 УПК РФ, оказывается всегда опровержимой (нестрогой), если есть сомнение у суда. Освобождение соответствующих лиц от доказывания фактов в уголовном процессе и фактически запрещение эти факты оспаривать и опровергать в данном процессе действует ровно до тех пор, пока не появилось сомнение у суда. А далее преюдиция уступает место общим началам процесса доказывания. При этом сомнение у суда может иметь место как в части связанности его дела с другим, так и в части обязательности для него выводов суда по тому делу. Как только сомнение в ходе соответствующей работы (установление фактической и юридической основы того и другого дела) устраняется, суд формирует свою позицию. Она может содержать иные выводы о юридических фактах или правоотношениях сто-

рон, чем выводы суда, уже разрешившего эти вопросы. Но предварительным условием вынесения нового решения должна быть отмена предшествующего в части его необоснованных и незаконных выводов.

Хотелось бы обратить внимание на одно, на первый взгляд не относящееся к рассматриваемой проблеме, обстоятельство. В отечественной науке есть разные взгляды на признание в качестве источника права прецедента. Многие не без оснований считают необходимым легализовать его фактическое существование, т. е. признать обязательность прецедентных решений для последующего рассмотрения дел. И это при том, что в прецеденте речь идет не об одних и тех же обстоятельствах, а только о сходных. Конституционный Суд фактически легализовал обязательность одного судебного акта для другого, если в этом другом решается вопрос о тех же обстоятельствах. Но не жестко. Возможность отмены первого вывода судей не отвергается.

Взвешенная позиция Конституционного Суда дает решение вопроса с того момента, когда собственно о преюдиции в ее процессуальном смысле речь уже не идет. Поэтому вряд ли уместно рассуждение о том, что «в современном российском законодательстве преюдиция не закреплена как абсолютная и безграничная по своему действию формула» (с. 69). Мне кажется, что проф. Скобликов ошибается, когда безоговорочно утверждает: «Итак, КС РФ провозгласил полную и строгую преюдицию актов арбитражных судов в уголовном процессе. При этом преюдиция актов уголовного судопроизводства в арбитражном процессе оценке КС РФ не подвергалась, и правоприменители будут понимать ее далее по-прежнему, т. е. так, как она закреплена в законодательстве, — ограниченно. Тем самым арбитражный процесс словно бы поставлен над уголовным — как более важный

⁶ СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2090.

и способный более точно установить истину по делу» (с. 81)⁷.

Нет. Позиция Конституционного Суда выражена в общей форме — о судебных решениях вообще. И не процессуальный момент в нем выходит на первый план, а материальный: преюдициальный аспект уступает место аксиоматическому⁸. И приговор, вплоть до его отмены, будет обязательным для арбитражных судов, если им будет установлено, например, что имущество украдено данным гражданином⁹. Но

⁷ Отнесение фактов к преюдициально установленным означает не только освобождение заинтересованных лиц от доказывания их в обычном порядке, но и «запрещение эти факты оспаривать и опровергать в данном процессе с целью замены ранее сделанных выводов на противоположные» (Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Ф. Яковлева и М. К. Юкова. М., 1997. С. 135). Конституционный Суд в рассматриваемом Определении как раз допускает возможность опровержения фактов в рамках общих процессов доказывания.

⁸ Уместно воспроизвести никем не поколебленную аксиому римского права: «*Judicia sunt tanquam juris dicta et pro veritate accipiuntur*»: судебное решение — суть высказывания закона и принимается за истину. КС РФ твердо отстаивает окончательность вступивших в законную силу судебных актов и если допускает отступление от принципа их неопровержимости, то только в исключительных случаях, при особых процедурных условиях их пересмотра, а в обычных судебных процедурах — только лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ею ущерба.

⁹ Полагаю, что ст. 69 АПК РФ не случайно ограничивает обязательность приговора суда для арбитражного суда лишь действиями и субъектами их совершения. Установление иных имеющих значение для гражданского дела обстоятельств осуществимо в рамках гражданского процесса.

как только окажется, что есть два прямо противоположных судебных акта по поводу принадлежности имущества, как только одним решением гражданин признается собственником на законном основании, а другим — вором, коллизия подлежит безотлагательному рассмотрению. В законодательстве прямого текстуального закрепления пути разрешения коллизии нет. Однако есть конституционные принципы, которые позволяют вывести соответствующее правоположение путем системного анализа ряда действующих норм. Именно это и сделал Конституционный Суд¹⁰.

Следует обратить внимание на то, что следственные органы еще до решения Конституционного Суда понимали, как следует поступать в решении уголовного дела С. Заинтересованные истцы обжаловали решения всех инстанций арбитражных судов, но безрезультатно. Генеральная прокуратура РФ обратилась в ВАС РФ с представлением, в котором просила пересмотреть все судебные акты по рассматриваемому иску. ВАС РФ не нашел оснований для передачи дела в Президиум ВАС, подтвердив указанные выводы арбитражных судов. Однако, несмотря на то что состоявшиеся решения арбитражных судов устоянно подтверждали легитимность права собственности С. на спорное оборудование, обвинительный приговор в отношении С. состоялся. В этом плане

¹⁰ П. А. Скобликов подвергает сомнению право Конституционного Суда рассматривать дело С.: «Если ст. 90 УПК РФ в деле Т. Р. Суринова не применялась и оснований для ее применения не было, то не имелось оснований и для рассмотрения КС РФ жалобы Т. Р. Суринова, для вынесения анализируемого здесь Определения КС РФ от 15 января 2008 г.» (с. 77). Но в том-то и дело, что статья применялась и послужила правовым основанием вынесения приговора, в то время как применяться не должна была, в то время как следовало руководствоваться иными нормами.

суть решения Конституционного Суда для С. очевидна — добиваться отмены приговора как неправосудного акта. Если вообще юридическая сила вынесенного Определения обратной силы не имеет, то применительно к делу С. вынесенное Определение имеет прямое отношение. *Catoniana regula*. П. А. Скобликов верно указывает на формулу римских юристов, «во многом сохраняющую значение в наши дни: *res iudicata pro veritate accipitur (habetur)*» — состоявшееся решение принимается за истину. Но тогда логичным было бы признание и *argumentum ex concessio* — довода, основанного на том, что уже было признано или допущено. Если же состоявшееся судебное решение, как говорили римляне, белое делает черным, черное — белым, кривое — прямым и прямое — кривым, надо добиваться его отмены.

Согласимся с тем, что рассмотрение конкретного гражданского дела ограничено рамками заявленных требований. Согласимся и с тем, что «если по одному или нескольким требованиям о признании сделки недействительной судом было отказано, то это еще не означает, что ответчик получил некую охранную грамоту и впредь защищен от новых исков в связи с этой же сделкой — исков, подаваемых тем же или иным лицом по другим правовым или фактическим основаниям» (с. 75—76). А если претензии предъявляются вновь по тем же основаниям, если предъявляется обвинение по обстоятельствам, отвергнутым судебным решением? Автор так вопрос не ставит, но понимает его значение и переносит вопрос в плоскость соизмерения ценности разных форм правосудия.

Представляется несостоятельной позиция противопоставления уголовного процесса гражданскому и арбитражному. Суд — публичный институт, если не сказать больше — государственный институт. Деятельность суда, вне зависимости от категории дел, которые он рассматривает, носит публичный характер.

Более того, в интересах государства всегда может вступить в процесс прокурор, как это и было в деле С.

Конечно, можно сожалеть об отходе от советской практики, когда в гражданском процессе «проявлялось преобладающее действие принципов объективной истины, активной роли суда и законности над принципами состязательности и диспозитивности», но констатация того обстоятельства, что «суд утратил активную роль в процессе, став своего рода рефери в споре сторон, и перед ним теперь стоит более скромная задача — установить так называемую судебную или формальную истину» (с. 72), не дает, с моей точки зрения, основания для вывода о том, что «категория преюдиции должна быть серьезно ограничена либо вовсе упразднена» (с. 72). Противопоставление разных видов судопроизводства граничит с нарушением норм ст. 118 Конституции Российской Федерации. Между тем, доказывая превосходство истины, достигаемой в уголовном процессе, П. А. Скобликов пишет: «В гражданском (арбитражном) процессе, где главенствует принцип состязательности и состязаются частные, неравные по своим возможностям субъекты, успех зачастую сопутствует не тому, кто прав по существу, а тому, кто сильнее, прежде всего в финансовом отношении, ибо этот ресурс легко трансформируется во все другие. ...Выигрыш в гражданском деле теперь в значительной степени зависит от того, насколько профессиональны лица, представляющие ту или иную сторону. И это проявляется уже на самой ранней стадии, при формулировании исковых требований (а равно возражений на них), потому что правильный выбор предмета иска, его правовых и фактических оснований зачастую предопределяет успех или неуспех в деле» (с. 73).

И далее. «При этом в уголовном процессе принцип объективной истины во многом сохранил свое значение. В результате теперь в гражданском

данско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве предусмотрены менее строгие требования к процедуре доказывания, нежели в уголовно-процессуальном» (с. 74). «Во многом», но далеко не во всем. В чем-то «менее строгие», а в чем-то и более. В вопросе о признании права собственности и в вопросе действительности сделки — более строгие. Например, вопрос о том, может или не может быть данное имущество предметом гражданского оборота без всяких ограничений, — это вопрос, прежде всего (если не исключительно), для гражданского или арбитражного судопроизводства. Как представляется, в вопросах права собственности — преимущество за ГПК и АПК РФ. События, состояния и им подобные обстоятельства устанавливаются по сути своей в качестве юридических фактов в гражданско-процессуальном производстве, а действия и бездействия в качестве преступных или не преступных — в уголовно-процессуальном. Например, в арбитражном суде, надо полагать, не должны были устанавливаться, являются или нет преступно мошенническими действия С., если в заблуждение вводилось высокое должностное лицо государства, которому по должности своей следовало знать о правовом статусе имущества¹¹. Както не убедительно в этом контексте оценка сделки в качестве «инструмента для усыпления бдительности пострадавшего, установления с ним

¹¹ Мошеннические действия в качестве преступных в гражданском производстве суд не устанавливает, но со ссылкой на ст. 169 ГК РФ (сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна) вполне может признать сделку недействительной. И по этому основанию она может быть обжалована, т. е. для этого не обязательно вынесение приговора. Точно так же сделка может быть признана недействительной и по ст. 179 ГК РФ. Таким образом, нет и «замкнутого круга, из которого нет выхода!»

отношений доверия и последующего обмана». Усыпить бдительность правительства?! Это в каком же процессе нужно рассматривать данный факт? На мой взгляд, скорее в гражданском, квалифицируя как посягательство на основы правопорядка и признавая сделку ничтожной. Это в плане приоритетов, хотя, разумеется, любые обстоятельства суд, не выходя за рамки своей компетенции, может фиксировать как в приговоре, так и в решении по гражданскому делу. Кстати, гражданское дело С. вообще трудно отнести к частным, поскольку на спорное имущество активно претендовало государство.

П. А. Скобликов пишет: «...Мошенничество есть уголовное или административное правонарушение, а в компетенцию арбитражного суда, рассматривающего гражданское дело, не входит установление факта такого правонарушения и виновности в его совершении конкретного лица; это — прерогатива суда общей юрисдикции, рассматривающего соответствующее уголовное дело (или дело об административном правонарушении). Поэтому подобный иск может быть удовлетворен лишь после вступления в законную силу соответствующего приговора» (с. 76). Однако высококвалифицированные цивилисты считают иначе: «Составы уголовных преступлений и фактические составы оспоримых сделок лишь частично пересекаются между собой. Положения ГК РФ и УК РФ имеют в этой части разный предмет регулирования. Применение мер уголовной ответственности не позволяет однозначно судить о возможности оспаривания сделки, равно как признание сделки недействительной по ст. 179 ГК РФ не предопределяет в действиях ответчика состава преступления»¹².

¹² Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. Документ текущего архива Исследовательского центра частного права. М., 2009. С. 108—109.

Противопоставляя два судопроизводства, в качестве своего рода ущербности арбитражного процесса П. А. Скобликов констатирует, что признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания (ч. 2 ст. 70 АПК РФ). Но сегодня и в уголовном процессе легализуются «сделки с правосудием» — досудебные соглашения сторон. Не следует так жестко противопоставлять правосудие там и здесь. И совершенно неоспоримо, что выигрыш в уголовном деле теперь также в значительной степени зависит от того, насколько профессиональны лица, представляющие ту или иную сторону, насколько силен обвиняемый в финансовом отношении.

В реализации норм УПК РФ нельзя игнорировать требований норм, не входящих в УПК. Это возможно разве лишь в реализации норм уголовного права, да и то только в отношении норм особенной части УК РФ. В общей форме было бы неверно говорить, что, кроме вступивших в силу приговоров суда, ни для следствия, ни для прокурора, ни для суда никакие иные судебные акты, даже принятые высшими судебными инстанциями, не имеют преюдициального значения, что ст. 90 УПК РФ дает возможность любому дознавателю, прокурору и судье, независимо от их профессионализма, на уровне собственных познаний оценивать любые обстоятельства и игнорировать любые судебные акты, кроме приговоров. Таким образом получилось бы, что акты, вынесенные, например, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», акты, вынесенные ЕСПЧ, определения высших судебных инстанций и т. д. могут быть на законном основании проигнорированы. Обосновывая свои

выводы, КС РФ сослался на ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в которой закреплена обязательность судебных постановлений. С точки зрения П. А. Скобликова, эта норма не затрагивает суд, поскольку «обязательность предполагает исполнение, вместе с тем суд не является органом исполнения» (с. 78). Станный подход. Любой учебник по теории права выделяет исполнение как особую форму реализации права, связанную с проведением в жизнь обязывающих норм. И что же, суд не исполняет никаких обязанностей?! Это удел исключительно органов исполнительной власти? Однако никто не оспорит статус суда в качестве правоприменительного органа, а правоприменение, как известно, включает в себя и соблюдение, и исполнение, и использование права. Вновь возвращаемся к тому, что нельзя замыкаться на одном лишь текстуальном толковании ст. 90 УПК РФ.

В обоснование преимуществ норм УПК РФ над иными правовыми нормами П. А. Скобликов счел уместным сослаться на римлян: «...нормы публичного права должны быть соблюдены при всех условиях и не могут быть изменены отдельными лицами» (с. 75). А разве другие нормы права могут быть изменены «отдельными лицами»? Диспозитивность отдельных гражданско-правовых норм закладывается в самом законе, и реализация соответствующего права субъектами гражданско-правовых отношений совсем не связана с изменением норм. Если же кто-то нарушает какие-то правовые нормы (тем более сознательно и намеренно «изменяет» их), он имеет негативные последствия.

Мне понятна озабоченность профессора Академии управления МВД проблемами роста преступности, распространения коррупции, криминализации новых отношений

(сам долгое время работал в этом учреждении). Но я решительно возражаю против того, чтобы связывать эти процессы, в частности, с Определением КС РФ¹³. Но именно в результате действия данного Определения, по мнению автора, «...ухудшится криминогенная обстановка в сфере арбитражного процесса, поскольку менее уязвимыми станут лица, совершающие преступления против правосудия. При рассмотрении дел в арбитражных судах возрастут лжесвидетельство, фальсификация доказательств, заведомо ложное заключение эксперта, специалиста и т. д. ... Более масштабной станет коррупция в системе арбитражных судов. Это связано с тем, что коррупционный рынок неизбежно отреагирует на новые полномочия судей: возможности по блокированию уголовного процесса» (с. 81). Гармонизация законодательства на основе действующей Конституции, преодоление пробелов или коллизий законодательства, внесение ясности в практическое решение вопроса не может расцениваться как негативное явление. Конституционный Суд обосновывает свои выводы исходя из действующего законодательства. И из того факта, что некоторые предусмотренные законом процедуры «являются сложными, громоздкими, требуют много времени для их реализации, имеют ряд существенных ограничений», не следует, что кто-то может и посидеть в тюрьме во имя неких общих интересов борьбы с преступностью. Права личности сегодня конституционно закреплены в качестве приоритетных. Презумпция невиновности — конституционная и опровергать ее следует кон-

¹³ Основательное освещение антикоррупционных средств обеспечения правосудия, в том числе и о благоприятствующих коррупции условиях и предпосылках (см.: Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1. М., 2009. С. 339—397).

ституционно, сколько бы времени не потребовалось¹⁴.

Выход один — в интересах предупреждения преступлений надо совершенствовать законодательство, надо предпринимать меры правоохранительного и организационного порядка. Не исключаю, что законодатель мог бы вернуться ко многому из того, что в нем ранее закреплялось (прежде всего, повышение роли суда и прокуратуры) и что так хорошо отмечено автором в п. 1.1—1.6 анализируемой здесь статьи (с. 71—72). В литературе, например, предлагается расширение бесплатной юридической помощи, что также способствовало бы приближению к истине в любом судопроизводстве (это по поводу отсутствия часто встречного иска, что является следствием отсутствия надлежащей юридической помощи у ответчика). Необходимы соответствующие разъяснения высших судебных инстанций, необходимы прокурорские указания следствию. А по большому счету следовало бы освободить осуществление правосудия от издержек рыночных отношений. У самого суда порой недоставало средств не только на проведение надлежащей экспертизы, но и на почтовые расходы.

Решение Конституционного Суда не подменяет активную роль законодателя, напротив, оно устанавливает, что определение исключительных условий, при которых только и допускается аннулирование законной силы судебного акта, «относит-

¹⁴ Кстати, из буквального текста Определения КС РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П в части необходимости предварительной отмены решения суда по арбитражному делу вытекает весьма узкий смысл: пока не аннулирован вступивший в законную силу исполняемый судебный акт арбитражного суда, нельзя отвергать обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого. В настоящей статье проводится идея более широкого действия созданного судом прецедента.

ся к дискреции законодателя. Изменение правового статуса лиц, права и обязанности которых уже определены судебным решением, принятым в законных процедурах, отвечающих требованиям справедливого правосудия, при отсутствии соответствующего законодательного регулирования могло бы приводить к произволу при осуществлении судебной власти, что противоречило бы ее конституционному назначению...»

Статья проф. П. А. Скобликова завершается предложением внести изменение в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде РФ, предусмотреть в нем возможность отмены ранее вынесенных определений и постановлений данного Суда. Предложение

весьма спорное. Во-первых, возникнет опасность дестабилизации правопорядка. Во-вторых, практике известны определенные механизмы развития принятых решений. И если есть необходимость совершенствования законодательства в части решений КС РФ, то только в направлении более жесткого подкрепления обязанности выполнения принятых Конституционным Судом постановлений и определений. Гарантом Конституции является Президент РФ: на нем лежит обязанность обеспечивать согласованное функционирование органов государственной власти. Неисполнение вступивших в силу решений судов, тем более решений Конституционного Суда, дает основание для его реакции.

